

Виктор КРАСИЛЬЩИКОВ

Ориентиры грядущего? Постиндустриальное общество и парадоксы истории

Сейчас нередко можно услышать, особенно из уст власть предержащих и журналистов, что теперь, после падения тоталитарного режима, Россия, осуществив реформы, будет развиваться «как все страны», что началось ее «возвращение на дорогу цивилизации». Однако нельзя отделаться от ощущения, что за этими словами, повторяемыми как заклинания, стоит растерянность и отсутствие каких-либо ориентиров политической стратегии. Таких ориентиров нет, впрочем, и у оппозиции — у коммунистов и национал-патриотов.

Между тем, если уж отвечать на извечный вопрос «как развиваться России?» кратким «как все», то неплохо было бы разобраться, как же на самом деле развиваются возжеланные для либерально-демократических сердец общества в США, Японии, Швеции, чтобы учесть их тенденции при разработке стратегии обновления России. А эти тенденции состоят в том, что «там» складывается постиндустриальное общество, мало похожее на то, с которым у нас принято связывать страны Запада.

Мир машин или мир человека?

Термин «постиндустриальное общество» родился в США еще в 50-е годы (Д. Рисман, Д. Белл)¹, когда стало ясно, что американский капитализм середины столетия во многом отличается от индустриального капитализма, существовавшего до великого кризиса 1929—1933 годов. Примечательно, что первоначально постиндустриальное общество рассматривалось в рационалистических понятиях линейного прогресса, экономического роста, повышения благосостояния и технизации труда, вследствие чего сокращается рабочее время и увеличивается, соответственно, свободное. Вместе с тем уже в конце 50-х годов Рисман поставил под сомнение целесо-

¹ Riesman D. Leisure and work in postindustrial society. In: Riesman D. Abundance for What? and Other Essays. New York, 1964. p. 162—183; Д. Белл широко использовал термин «постиндустриальное общество» в своих лекциях на Зальцбургском семинаре в 1959 году. Bell D. The Post-Industrial Society: The Evolution of an Idea. London, 1971 (reprinted from «Survey», No 79), p. 167.

образность безграничного роста благосостояния, отметив, что среди молодых американцев из «верхнего среднего класса» постепенно падает престиж обладания теми или иными вещами².

С конца 60-х годов термин «постиндустриальное общество» наполняется новым содержанием (А. Турен, 1968—1969 годы, Д. Белл, 1971—1973 годы)³. Ученые выделяют такие его черты, как массовое распространение творческого, интеллектуального труда, качественно возросший объем научного знания и информации, применяемой в производстве, преобладание в структуре экономики сферы услуг, науки, образования, культуры над промышленностью и сельским хозяйством по доле в ВВП и числу занятых, заметное изменение социальной структуры. Уже в 1971 году Белл имел все основания констатировать: «Понятие „постиндустриальное общество“ делает упор на центральную роль теоретического знания как оси, вокруг которой выстраиваются новая технология, экономический рост и новая стратификация общества»⁴. Более того, в начале 70-х годов некоторые публицисты и ученые рассматривают постиндустриальное общество как альтернативу позднеиндустриальному капитализму. В частности, Т. Розак, сочувствовавший «новым левым», призывал освободиться от «онаучивания» человеческой жизни, от пут технократии и подавляющего человека «урбано-индустриализма» с помощью контркультуры — системы морально-этических и духовных ценностей, в центре которой стоял бы человек, а не жизненный уровень и экономическая эффективность. И тогда, заключал Розак, «мы будем готовы совершить переход к истинно постиндустриальному обществу»⁵.

В 70-е и особенно в 80—90-е годы постиндустриальное общество под самыми разными названиями — «супериндустриальная цивилизация» (О. Тоффлер, США), «научное общество» (М. Понятовский, Франция), «информационное» (И. Масуда, Япония)⁶ — рассматривается как качественно новая ступень развития уже не только Запада, но и всего человечества.

Принято считать, что постиндустриальное общество предполагает широкий автоматизацию производства, применение роботов и ЭВМ, наукоемких технологий и т. д., что вызывает и определенные социальные последствия. Но не являются ли сами эти новшества следствием и воплощением общественных процессов, прежде всего — развития человека? Представляется, что автоматизация производства, массовая компьютеризация и информатизация, внедрение биотехнологий — лишь внешние, хотя и важные формы проявления постиндустриализации.

Как известно, первый микропроцессор, сердце любой персональной ЭВМ или робота, был выпущен фирмой «Интел» в 1971 году. В принципе, его можно было применить в супер-ЭВМ с разветвленной сетью терминалов, контролируемых из одного центра, что соответствовало бы характеру крупной корпорации с ее иерархией и жесткой системой управления, которую легко формализовать, усилив одновременно контроль за всеми ее звеньями. И как знать, возможно, благодаря фирме «Интел» западный мир под эгидой корпоративной технократии приблизился бы к осуществлению

² Riesman D. Op. cit., p. 308.

³ Touraine A. La société post-industrielle. Paris, 1969, p. 9 et suiv.; Roszak Th. Where the Wastland Ends: Politics and Transcendence in Postindustrial Society. New York, 1972.

⁴ Bell D. The Post-Industrial Society: The Evolution of an Idea, p. 158, Cf.: idem. The Coming of Post-Industrial Society, Social Forecasting. New York, 1973, p. 20 et al.

⁵ Roszak Th. Op. cit., p. 241.

⁶ Toffler A. The Third Wave. Toronto, New York, 1981; Poniowski M. L'avenir n'est écrit nulle part. Paris, 1978, p. 55—56 et suiv.; Masuda Y. The Information Society as Postindustrial Society. Washington, 1983.

оруэлловских антиутопий- ведь фордистская организация производства буквально напрашивается на автоматизацию и компьютеризацию.

Однако в развитых странах в то же самое время были и мощные противовесы электронной «оруэллизации», в первую очередь в лице «нового рабочего класса». Налицо был социальный субъект, нацеленный на преодоление отчуждения, порожденного развитым индустриальным обществом. Недаром А. Турен как один из первых теоретиков постиндустриализма увидел в выступлениях парижских радикальных студентов и интеллектуалов в мае-июне 1968 года начало перехода к новому обществу и зародыш социальных коллизий, соответствующих новой эпохе⁷.

В 1976 году в Сан-Хосе (Калифорния) два инженера, С. Джобс и С. Возняк, в гараже собрали первый персональный компьютер «Эппл» («Яблочко»). Надо полагать, что дата рождения новшества далеко не случайна. Конечно, это событие могло произойти и в 1978, и в 1974 годах. Важно другое. В персональном компьютере воплотились многие идеи... левого радикализма, которые высказал Г. Маркузе в 1967 году. Маркузе исходил из присущей человеку потребности в труде. Но сам труд он понимал, скорее, в духе Ш. Фурье, т. е. как игру, разновидность отдохновения. Для Маркузе потребность в труде была несовместима с его отчужденным характером и ее осуществление лежало за рамками системы «репрессивных» потребностей, которые сформировались в развитом индустриальном обществе. С точки зрения леворадикальных теоретиков, труд должен был превратиться из средства «иметь» в способ «быть» — сферу самовыражения и реализации способностей индивидов. Новые, постматериальные потребности, складывающиеся у интеллектуалов и «нового рабочего класса», включая и потребность распоряжаться своим «я» и выражать свою индивидуальность, по глубокому замечанию Маркузе, выступали «не только как индивидуальная потребность, но и как общественная производительная сила, как общественная потребность, относящаяся к тому, что должно определять организацию и направление развития, заложенные в производительных силах... Эти новые жизненные потребности сделали бы тогда возможным (в такой степени, в какой они являются общественной производительной силой) тотальное техническое преобразование нынешнего мира... где такое преобразование означало бы подавление уродств капиталистической индустриализации и коммерциализации, реконструкцию городов и восстановление природы после того, как была бы уничтожена проказа индустриализации»⁸. Отсюда вытекал и странный на первый взгляд вывод о приближающемся конце утопии: казавшаяся ранее утопической идея освобождения человека от власти экономической целесообразности, от отчуждающего труда, от необходимости зарабатывать хлеб в поте лица реально могла начать осуществляться на практике в наиболее развитых странах мира⁹.

Итак, «новые жизненные потребности» должны были воплотиться в новой, не подавляющей человека технике. Персональный компьютер открывал реальную возможность и сделать труд своеобразной «игрой», и вывести человека из-под контроля корпоративной технократии. Кстати, стоит обратить внимание на одну существенную деталь: Джобс и Возняк создавали свой «Эппл» для игры, т. е. для того, чтобы удовлетворить потребность «быть», потребность в самовыражении и творчестве.

⁷ См. Touraine A. Le mouvement de mai, ou le communisme utopique. Paris, 1968, p. 14-26, 282-289.

⁸ Marcuse H. La fin de l'utopie. Neuchâtel, Paris, 1968, p. 14.

⁹ Ibid. p. 8, 9-10.

Джобс и Возняк, о которых в начале 80-х экономисты и журналисты слагали легенды,— типичные дети 60-х. Джобс был отчислен из колледжа и отправился в Индию «в поисках озарения». Он перестал есть мясо и, уже будучи известным в мире бизнеса, благоговел перед Востоком. Он и сейчас восхищается своими японскими конкурентами, поскольку они «верят в конечное значение самого процесса, а не в специфические цели». В начале деятельности «Эппл» уважаемых инвесторов и банкиров шокировали сандалии, длинные волосы и борода Джобса. У него весьма аскетические манеры: Джобс предпочитал спать на матрасе на полу¹⁰. И все же главная его личная черта — жажда деятельности, стремление «создавать разные вещи». Это же стремление побудило его тезку и напарника Возняка покинуть «Эппл», чтобы основать новую венчурную фирму. Тот факт, что Джобс и Возняк в считанные годы вывели «Эппл» на вершины бизнеса, скорее явился следствием их потребности в самореализации, чем результатом обычного желания разбогатеть. Примечательно, что аналогично сложилась судьба создателей первой национальной «персоналки» в Бразилии Э. Френьи и Й. Манастерски, разместивших сначала свою фирму «Скопус Текноложа» в маленьком домишке неподалеку от университета Сан-Паолу¹¹.

Таким образом, постиндустриализация связана с превращением процесса труда, по крайней мере для заметной части общества, в разновидность творческой деятельности, в средство самореализации и с преодолением некоторых присущих индустриальному обществу форм отчуждения. Вместе с тем постиндустриальное общество — это общество постэкономическое, поскольку в перспективе в нем преодолевается господство экономики (производства материальных благ) над людьми и основной формой жизнедеятельности становится развитие человеческих способностей. И если считать утопией Марксов коммунизм, где на базе науки как главной производительной силы общества «развитие человеческих способностей... является самоцелью»¹², то приходится разочаровать доморожденных российских либералов: в постиндустриальном обществе мы действительно наблюдаем конец утопии в том смысле, что она перестает быть таковой, становясь реальностью. И не имеет абсолютно никакого значения, кто именно, Маркс или наш современник японец Масуда, утверждает, что это общество, в котором у людей «их главным желанием будет стремление реализовать себя»¹³.

Становление постиндустриального общества представляет собой глубочайшую социальную, экономическую, технологическую и духовную революцию. Ее ядром, сердцевиной является, в свою очередь, становление нового социального типа человека и характера общественных отношений. Этот тип можно определить как «богатую индивидуальность», «многомерного человека». Если еще 30—50 лет назад жизненный путь человека и круг его общественных связей определялись в первую очередь тем, к какому классу или социальному слою он принадлежит, и лишь во вторую — его личными способностями, то «многомерный человек» реально может выбирать между работой по найму и собственным бизнесом, между различными способами самовыражения и материальным успехом. Это значит, что человек может выбирать и строить по своему усмотрению и те отношения, в которые он вступает с другими людьми. Они все меньше и меньше слепо господствуют над ним, как это было в эпоху

10 «Newsweek», New York, 1985, september 30, No 14, p. 43.

11 «Veja», Sao Paulo, 1986, 16 de julho, p. 99.

12 Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 25, ч. 11, с. 387.

13 Masuda Y. Op. cit., p. 101.

индустриального капитализма. Именно с таким изменением связан наблюдаемый ныне в развитых странах «рыночный ренессанс», умиляться по поводу которого с недавних пор стало модным в России.

«Рыночный ренессанс» и накопление человеческого капитала

За «рыночным ренессансом» в действительности стоит колоссальное развитие нерыночной сферы — системы социальной защиты, образования, здравоохранения, культуры и, что очень важно, домашнего труда по воспитанию, «производству» человеком самого себя и своих детей, труда непосредственного общения¹⁴. Характерной чертой складывающегося постиндустриального общества становится двухэтажная, двухсекторная экономика, состоящая из сектора производства материальных благ и услуг, который регулируется рынком, и сектора «производства человека», где осуществляется накопление человеческого капитала и, по существу, не остается места рыночным отношениям¹⁵. Причем развитие сферы «производства человека» все больше определяет развитие и структуру рынка, динамизм экономики и конкурентоспособность стран в мире. При этом «производство человека» все меньше является прерогативой государства и все больше самого гражданского общества: органов местного самоуправления, общественных ассоциаций, наконец, самих граждан.

Колоссальное накопление человеческого капитала осуществлялось благодаря росту личного потребления и «государству благосостояния», т. е. кейнсианской модели экономики, которая со временем стала для него тормозом. Оно позволило современным мобильным фирмам, главными ресурсами которых, по справедливому выражению Дж. Джилдера, являются «идеи и люди»¹⁶, успешно конкурировать с корпорациями-гигантами, оказавшимися неповоротливыми динозаврами на новом этапе НТР. И не просто конкурировать, но и навязать им серьезную перестройку всей сложившейся системы управления в сторону большей демократизации, всех тех мер, которые позволяют активнее использовать «человеческий фактор». В этой конкурентной борьбе в 80-е годы столкнулись огромный накопленный интеллектуальный потенциал тружеников и вышедших из их рядов предпринимателей-инженеров, предпринимателей-ученых с собственностью корпораций, а фактически — два принципиально различных исторических вида собственности: интеллектуальная/индивидуальная («постиндустриальная») и прежняя, частно-корпоративная («индустриально-капиталистическая»).

Интеллектуальная собственность «многомерного человека» постиндустриального общества складывается в результате огромных затрат труда по воспитанию детей в семье, расходов государства, частных фондов и самих граждан на образование, собственных усилий детей, а потом и студентов по освоению знаний и ценностей культуры, общих — государственных, частных и коллективных — затрат на поддержание и развитие культуры и искусства, затрат времени людей по освоению достижений

14 См. Васильчук Ю. А. Семья как экономическая «клеточка» воспроизводственного процесса. «Соревнование двух систем. Социализм и капитализм: общее и особенное». М., 1990, с. 64—69; его же. Отношения и права собственности в эпоху НТР: Масштабы перемен. «Полис», 1991, № 2, с. 12, 13; Jurdant M. Le défi écologiste. Montreal, 1984, p. 299—301; Rousseau L. Les «futuribles» de la famille. «Futuribles», Paris, 1991, n. 153, p. 7.

15 См. Toffler Al. Op. cit., pp. 275—277, 281—282; Васильчук Ю. А. Переход ко второму этапу НТР (новый механизм торможения и новая расстановка классовых сил). «Рабочий класс и современный мир», 1988, № 3, с. 65.

16 Gilder G. Wealth and Poverty. New York, 1981, p. 85.

Уровень образования работников	Число занятых и безработных (тыс. чел.)	Стоимость единичной рабочей силы (тыс. долл.)	Совокупная стоимость рабочей силы (млн. долл.)
Менее 12 лет средней школы	13946,0	100	1394600
12 лет полной средней школы	37853,5	250	9463375
1—3 курса колледжа	18689,6	500	9344800
4 курса колледжа или университета (полное высшее образование)	24381,9	1000	24381900
Всего	94871,0	469,5	44584675

* Источник: Statistical Abstract of the United States, 1988. Washington, 1989, table 635, p. 384.

культуры¹⁷. Наконец, в интеллектуальной собственности воплощаются затраты времени и усилия человека по поддержанию своей «спортивной формы» — своего здоровья, работоспособности, не говоря уже о совокупных расходах на охрану и восстановление окружающей среды. Уже в начале постиндустриализации, в 1982 году, по подсчетам американских экономистов, чтобы вырастить ребенка до 18 лет, включая его обучение в двух старших классах школы и на первых двух курсах колледжа, семье нужно было затратить от 58 до 98 тыс. долларов в зависимости от ее собственных доходов: 58 тыс.— для семей с годовым доходом (после уплаты налогов) от 14 до 18 тыс. долларов, 98 тыс.— для семей, чьи доходы после вычета налогов составляли от 22,5 до 27 тыс. долларов в год. К этим расходам нужно прибавить потери заработка матерей, если они до достижения детьми 15 лет сидят дома и не работают или работают неполный рабочий день. В зависимости от их квалификации и образования эти потери составляли от 93 до 189 тыс. долларов¹⁸. Следовательно, общие расходы на воспитание и подготовку современного работника составляли в денежном выражении (в постоянных ценах 1981 года) в первой половине 80-х годов от 151 до 287 тыс. долларов. Причем в эту сумму не включены затраты труда как родителей, так и детей по освоению последними знаний, по приобретению и развитию ими своего интеллектуального и духовного потенциала. Считается, что с учетом таких затрат указанную сумму нужно увеличить, по крайней мере, вдвое¹⁹. Затраты же на подготовку выпускников университетов достигают порой 1 млн долларов. В целом совокупная стоимость всей гражданской рабочей силы США такова (см. табл. 1).

А теперь сравним полученную величину 44 трлн 584,7 млрд долларов — приблизительную величину человеческого капитала Америки — с суммой всех активов американских финансовых и нефинансовых корпораций в 1985 году — 12 трлн 770 млрд долларов²⁰. Надо полагать, что такое сопоставление говорит само за себя.

Наконец, можно сравнить размеры ежегодного накопления челове-

17 Подробнее о различных аспектах проблемы интеллектуальной собственности см. К е й з е р о в Н. Духовное имущество как комплексная проблема; Венгеро в А. Правовой узел современности; У л ь я н и ч е в С. Под международной защитой. «Общественные науки и современность», 1992. № 4.

18 См. America in Perspective: Major Trends in the United States through the 1990s. Oxford Analytica. D. R. Young e. a. Boston, 1986, p. 14, 93.

19 См. Ва с и л ь ч у к Ю. А. Эпоха НТР: Масштабы перемен. «Полис», 1991, № 1, с. 17.

20 Statistical Abstract of the United States, 1988. Washington, 1989, p. 522.

ского капитала и капитала в материальной форме. (Для этого следует учесть сроки подготовки каждого типа рабочей силы с момента рождения ребенка до получения человеком документа о соответствующем образовании или до момента отчисления из школы или колледжа.) Если сумма ежегодного накопления человеческого капитала (по «усеченным» подсчетам) в 1987—1988 годах составила 2 трлн 188,4 млрд долларов (без учета затрат частных фирм США на обучение и переобучение своего персонала, которые не всегда учитываются официальной статистикой, хотя и составляют несколько сот миллиардов долларов в год и имеют устойчивую тенденцию к росту), то величина всех внутренних частных инвестиций в американскую экономику в 1987 году окажется весьма скромной: «всего» 712,9 млрд долларов (16,8% от ВВП), включая расходы бизнеса на строительство новых предприятий и новое оборудование — 388,6 млрд долларов²¹.

Таким образом, растущее накопление человеческого капитала превышает накопление капитала в материально-вещественной форме (включая инвестиции в страхование и банковское дело) более, чем в 3 раза. Теоретики «зеленых» имели все основания включать в ВВП затраты труда в домашних хозяйствах, в том числе труда взрослых по воспитанию и обучению детей и затраты труда самих детей, а также взрослых по пополнению своих знаний, освоению ценностей культуры. Уже на исходе индустриальной эпохи (в конце 70-х годов) эти затраты, по разным расчетам американских и французских экономистов, составляли от 20 до 45% сверх ВВП²².

Это означает, что в постиндустриальном обществе институт семьи начинает играть качественно новую роль. Недаром в общественном сознании укрепляется понимание того, что домашний труд (в особенности — по воспитанию детей) по своей важности, по крайней мере, равен труду в общественном производстве²³. И это несмотря на то, что нуклеарная семья как социальный институт переживает кризис. Рост числа разводов и не состоящих в браке одиноких взрослых людей — главные его проявления. Этот кризис обусловлен, во-первых, тем, что семейные связи приходят в противоречие с устремлениями «многомерного человека», мешают порой его самореализации. Во-вторых, семьи часто не выдерживают нагрузок, связанных с их функцией по накоплению человеческого капитала: возрастающие затраты труда по самосовершенствованию и воспитанию детей требуют увеличения заработков, а необходимость больше зарабатывать отвлекает людей от домашних дел. Возникает проблема выбора, решить которую зачастую можно лишь ценой разрушения семьи. Распад семей ведет, в свою очередь, к тому, что вырастающие в них дети часто не обладают нужным для получения образования и хорошей работы духовным и интеллектуальным потенциалом, что в будущем угрожает им бедностью и жизненными неудачами. Некоторым социологам на Западе выходом из кризиса семьи представ-

21 Ibid., p. 421, 533

22 См. The Living Economy: A New Economics in the Making. London, New York, 1986, p. 33—35; Archambault E. La famille, agent économique. «Projet», Paris, 1980, N 144, p. 464.

23 «... Сохранение семьи — ключевой фактор уменьшения бедности» — писал теоретик американских «новых правых» Дж. Джилдер (Gilder G. Op. cit., p. 69); «... Семья сохраняет первостепенную роль в образовании детей», — вторил ему французский неоконсерватор Ж.-Л. Мишо (Michau J.-L. *Libérer le temps: Une nouvelle dimension de notre civilisation*. Paris, 1987, p. 49). См. также Лафонтен О. Общество будущего: Политика реформ в изменившемся мире. Пер. с нем. М., 1990, с. 133, 141; Васильчук Ю. А. Гражданское общество эпохи НТР. «Полис», 1991, № 4, с. 5—9.

ляется изменение ее структуры, в частности появление так называемой «агрегатной семьи», которая возникает, когда, например, две пары разводятся и вступают в новый брак, но сообща воспитывают детей²⁴. При этом наблюдается тенденция к сохранению добрых, дружеских отношений между бывшими супругами после развода. В таких семьях дети порой живут поочередно то в новой семье своего отца, то с матерью и отчимом и с его детьми. Считается, что подобная практика очень важна для развития детей²⁵. Но конкретно это зависит от того, каким образом решается проблема преодоления разобщенности людей, оказавшаяся весьма острой в последние годы.

Новая основа общественных отношений

Очевидно, что «богатая индивидуальность» может утвердить себя лишь во всем многообразии общественных отношений, поэтому для переходной к постиндустриальному обществу эпохи характерен поиск новых форм таких отношений. Он ведется и в сфере семейной жизни, и на уровне общественных объединений граждан по месту жительства, и в масштабах массовых движений типа движения в защиту окружающей среды. Объективной основой объединения людей в постиндустриальном обществе является развитие образования, науки, информации и культуры. Как писал профессор Сорбонны М. Маффезоли, «...можно сказать, хотя бы в гипотетической манере, что **homo economicus**, устремленный вдаль, к господству над природой, и **homo politicus**, зачарованный властью и голосующий за или против нее, могли бы уступить место тому, кого можно назвать **homo aestheticus**, который интересуется прежде всего тем, как ощутить некие общие эмоции в рамках принадлежности к тем или иным малым группам»²⁶.

В постиндустриальном обществе для самовыражения и самоутверждения человека велико значение политики, административно-общественного самоуправления — прямой («партиципаторной») демократии, которая расширяет общественные связи человека и тем самым возможности для проявления им творческой инициативы²⁷.

Западная общественная мысль в 80-е годы пришла к тому же выводу, к которому в свое время пришел... Карл Маркс в первом черновом варианте «Капитала»: культура, наука, информация — всеобщее достояние. Как только их «запускают» в производство, т. е. используют как производительную силу, они становятся подлинно всеобщей собственностью. «В классической и марксовой («марксистско-ленинской»? — В. К.) экономической теории капитал мыслился как «воплощенный труд», но знание нельзя интерпретировать в том же ключе, — писал Д. Белл. — Главное состоит в том, что знание как систематизированная теория является коллективным достоянием. Ни отдельное лицо, ни отдельная группа работников, ни корпорация не могут монополизировать или защитить патентом теоретическое знание, или извлечь из него уникальное производственное преимущество. Оно является общественной собственностью».

24 См. Toffler A. Op. cit., p. 230—232 et al.

25 См. Collange Ch. Le divorce-boom. Paris, 1983, pp. 242-245. 264-268; Naouri A. Les relations intra-familiales. «Futuribles», Paris, 1991, n. 153, p. 51—62.

26 Maffezoli M. La solidarite post-moderne. «La nouvelle revue socialiste». Paris, 1984, n. 6, p. 78.

27 Blot Y. Pourquoi la democratie directe? In: Yvan Blot et le Club de l'Horloge. La democratie confisqueé. Paris, 1989, p. 194; Masuda Y. Op. cit., p. 101—103.

венностью интеллектуального мира»²⁸. В то же время наука, информация, ценности культуры, по существу, не отчуждаются ни от их создателя («производителя»), ни от того, кто ими пользуется. Следовательно, эта общественная собственность является индивидуальной для каждого, кто пользуется ею. Таким образом, для постиндустриального общества характерно предсказанное Марксом единство индивидуальной и общественной (но не государственной!) собственности на основной «продукт» и «производственный ресурс».

Информатизация «втягивает» в процесс обобществления и в царство частной собственности — материальное производство. Уже сейчас управление металлургическими или химическими процессами из дома через ЭВМ, массовое производство автомобилей по индивидуальным заказам и другие чудеса из области фантастики постепенно, хотя и в весьма ограниченных масштабах, входят в повседневную практику развитых стран. По прогнозам Белла, в начале второго десятилетия XXI века (2011—2020 годы) в быт войдут многочисленные услуги, оказываемые через терминалы ЭВМ, общедоступной станет электронная почта. (Уже сейчас в экспериментальных «информационных городках» в Японии, к примеру, это стало обыденной реальностью.) Предсказывая дальнейшую приватизацию экономики, Белл тем не менее утверждает, что в будущем исчезает... рынок товаров и услуг, поскольку все операции по купле-продаже будут совершаться с помощью компьютерных сетей, заранее учитывающих спрос и предложение, уровень цен (оценок? — В. К.), издержки производства, т. е., по существу, рынок как таковой будет заменен организованным обменом²⁹. Проблема, однако, заключается в том, как же все-таки учесть в полной мере быстро меняющиеся и растущие потребности «многомерного человека», которые прямо влияют на спрос. Или, может быть, несмотря на всеохватывающую информатизацию общества, сфере материального производства все же «оставить» рынок с присущими ему элементами неизвестности как регулятор экономики, который, в принципе, не поддается формализации? Во всяком случае, тот факт, что теоретики постиндустриализма, будучи в массе своей убежденными «рыночниками», всерьез рассуждают о замене рынка в постиндустриальном обществе иной системой регулирования производства (не-рыночной, но и не-государственной!), лишь подчеркивает непохожесть постиндустриального (научного, информационного и т. д.) общества на реалии вчерашнего и даже сегодняшнего дня. Эти рассуждения имеют под собой хотя бы то основание, что быстрее всего сейчас в развитых странах растет четвертичный, как назвал его Масуда³⁰, сектор экономики — образование, наука, культура, производство информации, оказание интеллектуальных услуг — и сокращаются число и доля занятых в материальном производстве. Считается, что к 2025—2030-м годам в обрабатывающей промышленности США будет занято лишь 3% всей рабочей силы³¹.

В процессе постиндустриализации такой мотив к труду, как высокая заработная плата, переместился с первого-второго места, которое он занимал еще три-четыре десятилетия назад, на пятое-седьмое среди других мотивов к труду, пропустив вперед содержание труда, возможность

28 Bell D. Liberalism in the Postindustrial Society. In: Bell D. *Sociological Journeys: Essays 1960—1980*. London, 1980, p. 237—238.

29 См. Bell D. *The World and the United States in 2013*. «Daedalus», Cambridge (Mas.), 1987, Summer, N 3. p. 10—12, 31.

30 Masuda Y. *Op. cit.*, p. 88.

31 Fein go Id N. S. *Emerging Careers: Occupations for Post-Industrial Society*. In: *The Computerized Society: Living and Working in an Electronic Age*. Bethesda (Md.), 1985, p. 28.

Мотивы к труду	% опрошенных
Работать для меня, независимо от заработной платы,— это прежде всего возможность делать то, что мне интересно, что меня вдохновляет	25
Независимо от заработной платы, работать для меня — возможность встречаться с людьми, иметь контакты	25
Если бы у меня были средства, я бы продолжал работать, потому что бездеятельность для меня невыносима	27
Если бы у меня были средства, я бы ни в коем случае не работал	21
Ни одно из представленных мнений	1
Без мнения	1
Итого	100

• Источник: SOFRES, L'état de l'opinion: Cles pour 1987. Paris, 1987, p. 143.

самореализации, перспективы профессионального и социального роста, психологический климат в фирме и др. Конечно, даже в высокоразвитых странах для десятков миллионов людей труд пока остается главным средством к жизни: для 34% опрошенных в Великобритании в конце 80-х годов работа была не более чем средством заработать на жизнь. Но, с другой стороны, 66% тех же опрошенных сказали, что труд это больше чем просто средство зарабатывать кусок хлеба, пусть даже и с маслом. Из них 81,6% считают, что работа способствует самореализации и приносит наслаждение, позволяет использовать свои навыки и знания³². А вот какое отношение к труду было зафиксировано у французов в 1987 году (см. табл. 2).

Новая трудовая мотивация неотделима от экономической демократии, от участия работников в принятии решений и управлении производством, а также от мер по гуманизации труда, которые становятся в буквальном смысле производственной необходимостью, поскольку без них и нечего думать об активизации инициативы, о стимулировании заинтересованности рядовых работников в высококачественной и творческой работе. «Старое производство подспудно расценивало людей как неприятную необходимость и, соответственно, сводило их роль к минимуму,— писал британский журнал по проблемам управления.— Новое производство требует, чтобы их творческая способность была задействована полностью. Это не альтруизм, наподобие прежних попыток привлечь к участию (в прибылях, управлении.— *В. К.*), а настоящая потребность»³³. Одновременно меняется роль менеджера, предпринимателя. В новых фирмах с высокотехнологичным производством он скорее является консультантом, организатором творческой деятельности работников, а не надсмотрщиком-погонялой, как это было в эпоху расцвета фордистского производства. Конечно, можно расценивать внедрение новых форм организации труда и управления как «постфордизм», как стремление предпринимателей приспособиться к новым требованиям рабочих с целью извлечь больше прибылей. Такой взгляд характерен для западных левых, ориентирующихся на позднеиндустриальный рабочий класс³⁴. Однако в любом случае и

³² Marshall G., Newby H., Rose D., Vogler C. Social Class in Modern Britain. London e. a., 1988, p. 207, 208.

³³ Caulkin S. Britain's Best Factories. «Management Today», London, 1988, N 9, p. 59.

³⁴ Foster J., Woolfson Ch. Corporate Reconstruction and Business Unionism: the Lessons of Caterpillar and Ford. «New Left Review», 1989, March/April, N 174, p. 51—66; Rustin M. The Politics of Post-Fordism: or, the Trouble with «New Times». «New Left Review», 1989, May/June, N 175, p. 54—77.

японские «кружки качества», и «автономные бригады» на заводах «Вольво», и французские «группы выражения мнений» представляют собой немалый шаг вперед в плане перестройки отношений на производстве в сторону их гуманизации и демократизации.

Перемены в характере труда и в структуре занятости, специфика научного знания и информации как «ресурсов» и основных «продуктов» постиндустриального производства ведут к изменению социальной структуры общества. Размываются межклассовые границы — постиндустриальное общество это в целом гражданское общество на базе индивидуальной/интеллектуальной собственности, которая складывается, в первую очередь, в результате накопления человеческого капитала, т. е. по существу это общество бесклассовое³⁵. В то же время появляются новые социальные слои, что делает социальную структуру более мозаичной и подвижной: углубляется дифференциация и среди трудящихся, и среди собственников, которые друг от друга отделены ныне не столько границами частной собственности, сколько различиями в доступе к знаниям, культуре и информации.

Процесс постиндустриализации пока охватил собой далеко не все аспекты общественной жизни. Даже в самых развитых странах (США, Япония, ФРГ, Швеция) общество еще весьма далеко от того, чтобы в полной мере стать постиндустриальным. До сих пор в них многие миллионы людей заняты простым трудом и подвергаются самой обычной капиталистической эксплуатации. И даже в этих странах, в особенности в США, существуют массы неграмотных, которые, естественно, остаются на обочине дороги в будущее. Разумеется, это препятствует постиндустриализации, консервирует старые отношения и старые технологии, а порой и воссоздает их на новой технической основе (электронный тэйлоризм). Остаются нерешенными и глобальные проблемы — экологическая и проблема отсталости большинства стран Земли. Однако решить эти проблемы можно только на постиндустриальной основе. В свою очередь, дальнейшая постиндустриализация немислима без их решения.

* * »

В рамках одной статьи невозможно затронуть все проблемы и аспекты становления постиндустриального общества. Однако явные тенденции к постиндустриализму в развитых странах и сравнение их с тем, что происходит сейчас в России, свидетельствуют скорее о разнонаправленности процессов, происходящих «там» и «тут», чем о том, что Россия начинает, наконец, развиваться «как все». Чтобы дело обстояло именно так, нужно, по крайней мере, уяснить себе, что, не повернув экономику и политику лицом к человеку — сначала хотя бы на позднеиндустриальной основе, — ни о каком развитии страны «по пути всемирной цивилизации» не может быть и речи. И один из главных парадоксов истории состоит в том, что идеи, от которых спешат отречься российские лидеры, на самом деле подтверждаются (пусть и не в полной мере) там, где эти идеи никогда не превращались в господствующую идеологию. Так, может быть, дело не в идеях, а в лидерах, которые, как и их предшественники из номенклатуры, не хотят ничего замечать?

³⁵ См. Васильчук Ю. А. Отношения и права собственности в эпоху НТР: Масштабы перемен. «Полис», 1991, № 2; его же. Гражданское общество эпохи НТР. «Полис», 1991, № 4; Masuda Y. Op. cit., p. 151.